

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта»
Олимпиада школьников «Будущее с нами» 2015-2016 уч.г.
Задания очного этапа

Литература
11 класс

I тур

Общее время выполнения работы — 240 минут (4 часа)

Задание 1. Представьте себя в роли исследователя-литературоведа, работающего над созданием словаря литературных терминов. Вам предлагается начало словарной статьи. Закончите ее, стараясь раскрыть суть литературного термина максимально полно, учитывая, какие признаки и свойства описываемого явления еще не отражены в статье, приводя необходимые примеры из теории и истории русской и мировой литературы. *Рекомендуемый объем словарной статьи — 8—10 предложений.*

АНТИУТОПИЯ (от греческого «anti» — против и «utopos» — места, которого нигде не существует), (англ. dystopia) — литературный жанр, представляющий собой критическое описание общества утопического типа, ставящий под сомнение возможность идеи совершенного общества. Антиутопия возникает.....

Количество баллов: 15.

Задание 2. Прочитайте фрагмент статьи В. Маяковского «Как делать стихи?». Представьте себя в одной из ролей НА ВЫБОР: а) В. Брюсова, б) Н. Гумилева, в) И. Северянина — и напишите ПИСЬМО-ОТВЕТ В. Маяковскому, обосновывая отношение к его позиции с учетом избранной роли, привлекая необходимые историко-литературные факты и отсылая к произведениям избранного вами автора. *Рекомендуемый объем письма — 10—15 предложений.*

«В поэтической работе есть только несколько общих правил для начала поэтической работы. И то эти правила — чистая условность. Как в шахматах. Первые ходы почти однообразны. Но уже со следующего хода вы начинаете придумывать новую атаку. Самый гениальный ход не может быть повторен при данной ситуации в следующей партии. Сбивает противника только неожиданность хода.

Совсем как неожиданные рифмы в стихе.

Какие же данные необходимы для начала поэтической работы?

Первое. Наличие задачи в обществе, разрешение которой мыслимо только поэтическим произведением. Социальный заказ. (Интересная тема для специальной работы: о несоответствиях социального заказа с заказом фактическим.)

Второе. Точное знание или, вернее, ощущение желаний вашего класса (или группы, которую вы представляете) в этом вопросе, т. е. целевая установка.

Третье. Материал. Слова. Постоянное пополнение хранилищ, сараев вашего черепа, нужными, выразительными, редкими, изобретенными, обновленными, произведенными и всякими другими словами.

Четвертое. Оборудование предприятия и орудия производства. Перо, карандаш, пишущая машинка, телефон, костюм для посещения ночлежки, велосипед для езды в редакции, организованный стол, зонтик для писания под дождем, жилплощадь определенного количества шагов, которые нужно делать для работы, связь с бюро вырезок

для присылки материала по вопросам, волнующим провинции, и т. д., и т. п., и даже трубка и папиросы.

Пятое. Навыки и приемы обработки слов, бесконечно индивидуальные, приходящие лишь с годами ежедневной работы: рифмы, размеры, аллитерации, образы, снижения стиля, пафос, концовка, заглавие, начертание и т. д., и т. д.» (В. Маяковский. *Как делать стихи?* 1926).

Количество баллов: 15.

Задание 3. Представьте себя в роли составителя сборника избранных произведений «"Природа, мир, тайник вселенной..." Натурфилософские страницы русской и мировой литературы». Укажите имена авторов и названия произведений, которые вы включили бы в этот сборник; кратко обоснуйте свой выбор и логику расположения произведений в сборнике (если вы планируете выделять в сборнике разделы, придумайте им названия). Напишите небольшую вступительную заметку «К читателю», которая могла бы предварять сборник. **Рекомендуемый объем вступительной статьи — 10—15 предложений.**

Количество баллов: 15.

Задание 4. Дайте полный развернутый анализ предложенного прозаического текста.

Выполните Задание 4 в форме СВЯЗНОГО текста, ИНТЕРПРЕТИРУЯ произведение с опорой на его АНАЛИЗ, с учетом известных вам фактов ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ.
--

Сигизмунд КРЖИЖАНОВСКИЙ
«СБЕЖАВШИЕ ПАЛЬЦЫ»

I

Две тысячи ушных раковин повернулись к пианисту Тёнриху Дорну, спокойно подвинчивавшему длинными белыми пальцами плетёнку стула-вертушки... Фалды фрака свисли с вертушки, а пальцы прыгнули к чёрному ящику рояля – и мерным бегом по прямой мощённой костяным клавишам дороге. Сначала они направились, блестя полированными ногтями, от С большой октавы к крайним стеклисто-звонящим костяшкам дисканта. Там ждала чёрная доска – край клавиатурной коробки: пальцам хотелось дальше, – они чётко и дробно затопали по двум крайним костяшкам (глаза в зале здесь-там зажмурились: «какая трель»), – и вдруг, круто повернувшись на острых, обутых в тонкую эпидерму кончиках, опроретью, прыгая друг через друга, бросились назад. У середины пути пальцы замедлили бег, раздумчиво выбирая то чёрные, то белые клавиши для тихого, но глубоко вдавленного в струны шага.

Две тысячи ушей пододвинулись к эстраде.

Знакомая нервная дрожь вошла в пальцы: став на втиснувшихся в струны молоточках, они вдруг, резким прыжком, перешвырнулись через двенадцать клавиш и стали на с-es-g-b (1).

Пауза.

И опять, сорвавшись с аккорда, пальцы стремительным пассажем неслись к краю клавиатуры. Правая рука пианиста тянула назад, к медиуму, но расскакавшиеся пальцы не хотели: в бешеном разбеге они мчались вперёд и вперёд: промелькнула стеклстыми звонами четвертная октава, пискнули добавочные костяшки дисканта, глухо стукнуло по ногтям чёрным выступом клавиатурной рамы: отчаянно рванувшись, пальцы выдернулись вместе с кистью из-под манжеты пианиста и прыгнули, сверкнув бриллиантом на мизинце, вниз.

Вощёное дерево паркета больно ударило по суставам, но пальцы, не выронив темпа, миг поднялись на распрямившихся фалангах и, семена розовыми щитками ногтей, высоко подпрыгивая широким арпеджиобразным движением – мизинец от безымянного, безымянный от среднего – бросились к выходу из зала.

Тупой огромный нос чьего-то ботинка загородил было путь. Чья-то грязная подошва притиснула на мгновение мизинец к ковру. И пальцы, поджав прищемленный мизинец, юркнули под свесившийся до пола занавес. Но занавес тотчас же дёрнулся кверху, обнажая две чёрных расширяющихся кверху колонны: пальцы поняли – это был подол платья одной из поклонниц Дорна. Круто повернувшись на безымянном, они отпрыгнули вбок.

Нельзя было медлить. Кругом уж возникал шёпот. Шёпот – в говор, говор – в гомон, гомон – в крик, крик – в рёв и топ тысячи ног.

– Держи их, держи.

– Что?

– Где?!

Часть аудитории бросилась к пианисту: он, в глубоком обмороке, свис со стула; левая его рука упала на колено, пустая манжета правой ещё лежала на клавиатуре.

Но сбежавшим пальцам было не до Дорна: работая длинными фалангами, сгибая и разгибая суставы, они зачастили *prestissimo* по ковровой дорожке к уступам лестницы.

С воплем и визгами, тыча локтями в локти, люди очищали путь. Из залы ещё несло: «Держи! Где? Что?» Но лестница осталась позади.

Одним мастерским прыжком пальцы перемахнули через порог и очутились на улице. Топы и гамы оборвались. Вокруг молчала, овитая в жёлтое ожерелье фонарных огней, ночная безлюдная площадь.

II

Холёные пальцы знаменитого пианиста Генриха Дорна, обычно гулявшие лишь по слоновой кости концертных роялей, не привыкли к хождению по мокрой и грязной панели.

Теперь, очутившись на липком и холодном асфальте площади, ступая по плевкам и жиже луж, пальцы сразу поняли всё безумие и экстравагантность своей выходки.

Но поздно. По порогу оставленного дома уже стучали подошвами и палками: возвратиться вспять – значит быть раздавленными. Поджимая к безымянному пальцу ноющий мизинец, правая кисть Дорна прислонилась к шершавому камню тротуарной тумбы, наблюдая происходящее.

Дверь выбросила всех людей и сомкнула створы. Оторвавшиеся пальцы остались одни на опустевшей панели.

Моросил дождь. Надо было позаботиться о ночлеге. Пальцы, макая свою белую и тонкую кожу в лужи и канавы, медленно побрели, то спотыкаясь, то скользя, вдоль мостовой. Внезапно из тумана прогрохотал колёсный обод: расшвыряв комья грязи, прокружил прочь.

Пальцы еле успели увернуться: брезгливо отряхая вонючие брызги, они взобрались, на дрожащих и подгибающихся от волнения и устали фалангах, по скосу тротуара и шли вдоль домов, вросших стенами в стены.

Был уже поздний час. С жёлтого циферблата простучало два. Створы дверей были сомкнуты, сморщенные железные веки окон опущены. Близился и снова ник чей-то запоздалый шаг. Где укрыться?

На расстоянии полуклавиатуры от тротуарных кирпичей алел, раскачиваемый ветром, огонь лампы. Под огнём ввинченная в стену прямоугольная железная кружка: «На храм».

Выбора не было: по выщербам стены на карниз кирпичи, с карниза на покатую крышку кружки. Отверстие кружки было узко, но пальцы пианиста недаром славились гибкостью и тониной: протиснулись в прорезь и... прыг. Внутри было темно, лишь

слабый красный блик, оброненный в кружечную прорезь лампадой, лежал у окна. Рядом с бликом – мятая доброхотная кредитка. Продрогшие пальцы забились в угол железного короба, укрылись кредиткой и, свернувшись под нею в кулак, лежали без движения. Суставы ревматически ныли; в обломанных и потрескавшихся ногтях зуд; мизинец распух и тонкий обруч кольца глубоко врезался в кожу.

Но усталъ брала своё: алый блик качался из стороны в сторону, дождь выстукивал по крышке кружки упругими капельками знакомое moto perpetuo (2).

В узкую прорезь ящика глянул, щуря свои изумрудные глазки, Сон.

III

Встряхнувшись, пальцы расправили затёкшие суставы и попробовали вытянуться во всю длину на жёстком ложе. Алый луч зари ввился в медленно блекнущий блик лампы.

Дождь замолчал. Подпрыгнув раз и другой кверху, ударившись о крышку короба, пальцы осторожно просунулись наружу и сели на влажном скосе церковной кружки.

Предутренний ветер качал безлистными ветвями тополей. Внизу – мерцание луж, вверху – полз туч.

Как ни необычна была ситуация, многолетняя выгранная в пальцы привычка к полуторачасовым утренним экзерсисам заставила их взобраться на карниз церкви и проделать методический гамообразный бег от края до края, справа налево и слева направо, пока тепло и гибкость не вошли в суставы.

Кончив упражнения, пальцы спрыгнули вниз на кружку, и, сев поперёк её отверстия, стали грезить о близком, но оторванном прочь прошлом:

...вот они лежат в тепле под атласом одеяла; утреннее купание в мыльной тёплой воде; а там приятная прогулка по мягко-поддающимся клавишам, затем...

затем прислуживающие пальцы левой руки одевают их в замшевую перчатку, защёлкивают кнопки, Дорн бережно несёт их, положив в карман тёплого пальто.

Вдруг... замша сдёрнута, чьи-то тонкие душистые ноготки, чуть дрогнув, коснулись их. Пальцы страстно притиснулись к розовым ноготкам и...

И вдруг чья-то корявая, с жёлтыми грязными ногтями рука столкнула размечтавшиеся пальцы со скоса кружки. Это была подслеповатая старуха, возвращающаяся с рынка. Поставив наземь корзину, полную кульков, она подошла к кружке и нащупала дрожащей рукой прорезь, готовясь бросить свою скудную лепту. Но внезапно что-то мягкое и движущееся схватило её за палец, отдёрнулось и перекувырнулось; тотчас же зашуршало в кульках – и вдруг пять человеческих пальцев без человека, отряхиваясь от муки, выпрыгнули из корзины – и по тротуару, наутёк.

Старуха выронила деньги и долго и опасливо крестилась, шамкая что-то беззубым, трясущимся ртом.

С кубика на кубик, ныряя в лужи и канавы, пальцы бежали дальше и дальше.

Двое мальчуганов, спускавших, сидя на корточках у канавы, кораблик с бумажным парусом, заметили их, когда, оттолкнувшись мизинцем от тротуарного края и присев на согнутых фалангах, пальцы готовились к прыжку через шумливую канавку. Разинули рты. Оставленный кораблик ткнулся килем о булыгу и – донцем кверху.

– Ого-го-ги! – завопили мальцы, пускаясь в погоню.

Только необычайная пианистическая беглость спасала улепётывающие пальцы: разбрасывая брызги, срывая нежную эпидерму об острые выступы камня, они бежали с быстротой Бетховенской Appassionat'ы, и будь под ними не шершавые торцы, а клавиши, все величайшие мастера пассажа и глиссандо были бы превзойдены и посрамлены.

Вдруг позади что-то зарычало, и огромная когтистая лапа опрокинула убегающую пятиножку: пальцы упали окровавленными ногтями кверху, стукнув алмазом, вкрапленным в кольцо на мизинце, о фант тротуара.

Клыкастая пасть дворового пса раскрылась над ними: в смертной истоме, судорожно скорчившись, пальцы щёлкнули в синий нос и, выиграв миг, помчались дальше, гонимые лаем и гиком.

IV

Ночевать пришлось сперва в раструбе водосточной трубы. Поздно ночью снова полил дождь, и измученных оторвышей, забравшихся было в жестяной раструб, выплеснуло наружу: приходилось блуждать по тёмной панели, ища сухого пристанища.

За мутью подвального окна мигал огонь. Медленно ступая с пальца на палец по мокрой раме окна, бедные оторвыши робко постучали мизинцем в окно. Никто не откликнулся.

В стекле – дыра, заклеенная бумагой: указательный палец прорвал бумагу, за ним пролезли и остальные. Вот и подоконник. В комнате – тишь. На кухонном столе, придвинутом к окну, – ни крохи. В железной печке, ставшей на раскоряченных гнутых ножках и ткнувшейся длинным железным хоботом в отдушник, дотлевали серо-алые угли. На деревянных нарах спали кучей, прижавшись друг к другу, – женщина и двое детей: лица худы, глаза – под сине-серыми сморщенными веками, тела – под прелой рванью.

Но на углышке белой чистой наволочки, разряженной в жёлтые блики и искры копилки, сидел, хитро улыбаясь, Сон: он тёр изумрудные глазки перепончатыми прозрачно-стеклистыми лапками и рассказывал беднякам свои сказки. И от слов его пятна на стенах зацвели розовыми зарослями, а бельё, повисшее в воздухе, стало плыть по шпагату чередой белоснежных облаков.

Пальцы чинно сели у края стола и слушали: и под тихие разговоры Сна им вспоминался и неровный бег Phantasie-Stucke Шумана, и таинственные прыжки и зовы «Крейслерианы».

Малым оторвышам захотелось тоже подарить что-нибудь беднякам: на припухшем мизинце мерцало алмазное кольцо Дорна: корчась от боли, оторвыши упёрлись искалеченными ногтями в золотой ободок: кольцо, звякнув, легло у края стола.

Пора.

За окном рождалось утро. Сон засуетился: сошёл с подушки, уложил видения и ищи его. За ним и пальцы: осторожно прощуршав прорванной бумагой у окна, – снова на панель.

Мокрый весенний снег белыми звёздами падал в жижу луж.

Замученные оторвыши не могли идти дальше: прижавшись к холодному камню панели, они собрались в щепоть и легли под тихие лёты белых звёзд. И в тот же миг им стало слышимо: окостенелая земля закачалась несчётными клавишами; грохоча о чёрное и белое, роняя солнце с фаланг, прямо на оторвышей идут, быстро близясь, беспощадно-гигантские персты.

V

Музыкальный критик вбежал с газетным листом в руках в кабинет Дорна.

– Читайте.

На восьмой странице номера, обведённое красным карандашом, стояло:

Найдены пять пальцев Неизвестно чьей правой руки.

Справляться: Дессинг-штрассе, 7, кв. 54.

Телеф. 3–45, бецирк 1–9.

Скользнув глазами по строкам, Дорн бросился в прихожую, сорвал с вешалки пальто, неловко тыча пустой манжетой правой руки в рукав.

– Маэстро, рано, – суетился критик, – «Справляться от 11 – 1 ч.», а теперь без четверти десять. И притом...

Но Дорн уже сбегал вниз по лестнице.

Когда получасом позже пианист Генрих Дорн увидел в картонной коробке, выстланной ватой, свои сбежавшие пальцы, он заплакал: пальцы лежали, неподвижно сжатые в щепоть, безобразным комком на выстланном ватой дне коробки. Кожа облипла грязью, изъязвилась и растрескалась; на тонких когда-то, отвратительно расплюснутых теперь, кончиках желтели наросты мозолей, ногти были сломаны и искромсаны, запёкшаяся кровь чернела под сгибами суставов.

– Мертвы, – прошептал Дорн побелевшими губами и неумело потянулся пустым раструбом манжеты к неподвижно лежащим оторвышам; но те вдруг шевельнули мизинцем: еле-еле.

Дорн, истерически стуча зубами, придвинул беспалую руку к самой коробке: пальцы, шатаясь и путаясь в клочьях ваты, чуть приподнялись на дрожащих и подгибающихся фалангах и вдруг, затрепетав, прыгнули внутрь манжеты.

Дорн смеялся и плакал разом: на коленях его, высунувшись из-под белизны манжет, лежали рядом две руки: одна с белыми, холёными, пахнущими дорогими духами, точёными пальцами, другая – коричнево-серая, заскорузлая, обтянутая грубой истёртой кожей.

Через две недели после случившегося состоялся первый, по возобновлению, концерт знаменитого цикла Генриха Дорна.

Пианист играл как-то по-иному: не было прежних ослепительных пассажей, молниевых *glissando* и подчеркнутости мелизма. Пальцы пианиста будто нехотя шли по мощённому костяным клавишам короткому – в семь октав – пути. Но зато мгновеньями казалось, будто чьи-то гигантские персты, оторвавшись от иной – из мира в мир – протянутой клавиатуры, роняя солнца с фаланг, идут вдоль куцых пискливых и шатких костяшек рояля: и тогда тысячи ушных раковин придвигались – на обращённых к эстраде шеях.

Но это – лишь мгновеньями.

Специалисты один за другим – на цыпочках – покидали зал.

---

[1] *Минорный септаккорд (до – ми бемоль-соль – си бемоль).*

[2] *Вечное движение (лат.) – намёк на пьесу Р. Шумана.*